

УДК 821.161.1

Д.В. СВИРИДОВА
(darja2111@mail.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

АВТОР И ГЕРОЙ В ПОВЕСТЯХ В.С. ТОКАРЕВОЙ 1970–1990-Х ГОДОВ*

Рассматриваются особенности взаимосвязи «автор-герой» в повестях В.С. Токаревой «Ехал грека» и «Лавина», где писательница, осваивая «мужскую» точку зрения, пробует реалистически объёмно воссоздать атмосферу жизни своих современников в последней трети минувшего столетия.

Ключевые слова: *автор, герой, «женская» проза, заглавие произведения, личность, характер.*

Одной из ярких представительниц современной «женской» прозы по праву является Виктория Самойловна Токарева: она публикует свои работы уже более тридцати лет, но её произведения неизменно интересуют читателей. С того дня, когда в 1964 г. в журнале «Молодая гвардия» был опубликован её первый рассказ «День без вранья», и до наших дней В.С. Токаревой удаётся поднимать важнейшие проблемы общества: отношение современников к правде и лжи, любовь и чувство долга, «мой дом-крепость» и окружающий мир, взаимоотношения между представителями разных поколений и другие. Важно, что В.С. Токарева не ограничивает сюжеты своих произведений только «женским» взглядом на события и героев, выступая против «гендерного» разделения писателей. Так, в повестях «Ехал грека» (1977) [17] и «Лавина» (1996) [18] она смотрит на мир «глазами» мужчин, словно избегая обвинений в «мужененавистничестве», пытаясь разгадать и объективно представить психологию мужчины, от которого в значительной степени зависит поддержание стабильности в семье, в стране и в мире. В.С. Токарева делает героем своих повестей мужчину активного возраста, яркого, образованного, но вопреки надеждам – безынициативного, избегающего ответственности, не думающего о последствиях своих поступков.

В повести «Ехал грека» это подчёркивается самим названием произведения. По справедливому замечанию теоретиков литературы, и «во внешне нейтральных заглавиях присутствие автора ощутимо» [10, стб. 849]. Виктория Токарева продуманно называет свою повесть первой строчкой всем известной скороговорки: «Ехал грека...». В повести её произносит персонаж второстепенный, маленький сын соседей, но его вопросы: почему говорится «ехал грека», а не «грек», или почему «ехал», а не «ехала», – проецируются на характер Климова, стоящего в центре произведения. Это инфантильный, бесхарактерный, нерешительный мужчина, который постоянно прибегает к спасительной помощи «слабого» пола. Это впечатление усиливает имя персонажа. Известно, что имя литературного героя принадлежит к одному из самых важных способов создания образа. По мнению Ю.А. Карпенко, каждый писатель «подбирает, либо конструирует не только личные имена, но и все компоненты ономастического пространства произведения. Он знает характеры и занятия, душевные и физические данные персонажей» [11, с. 34]. В.С. Токарева в повести «Ехал грека» (1977) не случайно наделяет главного героя лишь фамилией – Климов. В.А. Никонов в «Словаре русских фамилий» (1993) даёт следующую трактовку этой фамилии: «Климов – отчество от повседневной краткой формы Клим из канонического мужского личного имени Климентий (есть ещё форма Климент), полную форму употребляли редко» [Там же, с. 52–53]. Имя Климент (Климентий) предположительно «от греч. klemantios <...> – виноградная лоза» [13, с. 134]. Гибкость лозы, по-видимому, и является лучшей характеристикой Климова из анализируемой повести В. Токаревой: он, подобно лозе – не устойчив, ломок, «ни то ни сё», он бесцельно проживает жизнь, надеясь не на свои силы, а на помощь окружающих. Поэтому В.С. Токарева и отсылает читателей к вопросам соседского мальчика, который не понимает, какого «грека» рода: мужского или женского.

* Работа выполнена под руководством Переваловой С.В., доктора филологических наук, профессора кафедры литературы и методики ее преподавания ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

Рассматриваемое произведение было написано на исходе 1970-х годов прошлого века, в эпоху затяжного идеологического и социального «провала» [3, с. 1475], но именно она парадоксальным образом оказалась в литературном плане эпохой «прорыва» к пониманию того, что личность – итог не идеологического воздействия, а постоянного самосовершенствования человека, «открывающего себя навстречу всем впечатлениям бытия <...>, нагружающего себя памятью и чувством долга перед прошлым и будущим» [6, с. 45]. Вот этих усилий по формированию «самостоянья человека» (А.С. Пушкин) [14] в семидесятые годы, когда доминировал «сюжет усреднения» (В.С. Маканин) [7], многие избегали: в погоне за комфортом быта общество не заметило, что «усреднение» личностного «я» происходит добровольно, без вмешательства или диктата извне. Климов из повести В. Токаревой – яркий представитель того времени «усреднения». В его жизни нет цели, но это его не тяготит, наоборот, это облегчает существование: Климов ничего не планирует, ничем серьёзным не занят, но всем доволен, поскольку «никогда не думает о последствиях». Какие последствия, если нет реальных результатов труда? Но поездка в отпуск и восхождение на гору Кикимору несколько изменяют мировосприятие героя. Он сравнивает свою прошлую жизнь с рюкзаком, который тащит, осознавая, что ему нужно «либо забывать рюкзак, либо не путешествовать» [17, с. 243]. Беда в том, что в этот ненужный «рюкзак» герой небрежно бросает и свою семью, ведь ему уже давно неинтересна жизнь его родственников, Климову главное знать, что они живы – остальное его не касается. Но стечения обстоятельств (любимая женщина главного героя, его коллеги и соседи подумали, что он разбился в авиакатастрофе (о ней было широко известно), и быстро нашли Климову замену, а родные и вовсе не заметили его отсутствия) заставляют этого персонажа задаваться вопросами о своей дальнейшей судьбе, о взаимоотношениях с близкими. Именно к родным Климов возвращается, когда понимает, что он никому не нужен, именно в семье, о которой прежде совершенно не заботился, ищет поддержку. Он начинает задавать себе «неудобные», острые вопросы только при нелёгком подъёме в гору, а до этого Климов из-за своего предельного эгоизма не вспоминал ни о сыне, который, по его мнению, оказался всего лишь «результатом ошибки» [Там же, с. 242]; ни о своей возлюбленной: он был уверен, что девушка «любила <...> изо дня в день с неослабевающей силой, будто внутри у неё был мотор, вечный двигатель» [Там же, с. 251]; ни о своих близких. Однако, судя по финалу этой повести, в конце 1970-х В.С. Токарева не теряет надежду на «светлое» будущее эгоистичного Климова и всего «застойного» общества: она вводит в систему персонажей образ маленького мальчика, Пашу Самодёркина, который с юных лет понимает: нет, не на Климова! – он «должен равняться на Федора Фёдоровича Озмителя» [Там же, с. 249]. Это Герой Советского Союза, участник Великой Отечественной войны, командир партизанского отряда специального назначения «Гром», о котором школьнику рассказали в Музее пограничных войск. Именно благодаря таким нравственным ориентирам старшего поколения, как честность, патриотизм, стремление к действию, по мнению В.С. Токаревой, общество «застойных» лет способно выйти из «сюжета усреднения».

Не случайно и Климов пытается стать человеком «с чувством выхода» [Там же, с. 249], хотя поначалу с долей самолюбования утверждал: «Я совершенно не любопытен к своим возможностям. Я не признаю ложных целей и искусственных трудностей. Я не умею преодолевать себя. Я, например, не люблю варёный лук и никогда его не ем. Я никогда не делаю того, что мне не хочется» [Там же, с. 245]. Но вот он отстаёт от своей тургруппы (он ведь привык действовать своевольно) и в одиночестве начинает размышлять о своём прошлом, сравнивает свою нескладную жизнь с тяжёлой дорогой к вершине, задаётся вопросом: сможет ли он дойти до желанной высоты или устанет и вернётся. Климов осознаёт, что он «поднял себя для того, чтобы лучше увидеть вокруг и в себе» [Там же, с. 256]. Таким образом, можно наблюдать духовные изменения в жизни героя, который стремится изменить свою жизнь к лучшему.

Важно, что в повести В.С. Токаревой «Ехал грека» пейзаж играет функцию сюжетной мотивировки, когда речь заходит о восхождении Климова на гору Кикимора. Здесь читатель может заметить аллюзию на зарисовку И.А. Бунина «В Альпах» (1902) [1], где представлены схожие мотивы: «знание и незнание <...>, сознательное и бессознательное, лейтмотивы и фон, а также синхронные мысли-

образы и т. д.» [8, с. 119]. Однако свойственная «женской» прозе насмешливость по отношению к «мужским» образам, намеренно подчёркивается названием горы восхождения: это не Альпы, а всего лишь Кикимора. Климов попадает на гору Кикимору, которую писательница «перенесла» в Адлер (гора Кикимора, действительно, есть на географической карте нашей страны, но «расположена она в Кировской области, находится рядом с болотом и названа в честь одноимённого мифологического персонажа» [20]). Писательница могла бы «отправить» своего героя на любую из знаменитых гор в Адлере: Большой Ахун, Фишт, Чугун, Большая Чура, но название горы Кикимора и её местоположение в повести «Ехал грека...» [17] указывают на «приземлённые» задачи Климова, которому сложно покорить любые высоты, какие уж тут «Альпы»? Правда, Климов, всё-таки совершив восхождение на Кикимору, испытывает какие-то новые для него чувства и волнения, хотя трудно сказать, что его душа полностью возродилась к любви и состраданию. Писательница показывает мир глазами мужчины, но, проводя героя через нелёгкие испытания, В.С. Токарева всё равно отмечает безволие и мягкотелость своего персонажа: Климов не выдерживает никаких серьёзных нагрузок, в трудные минуты спешит за помощью к возлюбленной, к матери, к сестре, ждёт поддержки от близких женщин, жалуясь на то, что он «никому не нужен. Никому» [Там же, с. 259]. На что сестра верно подмечает: «Но ведь и тебе никто не нужен» [Там же, с. 259].

Повесть «Лавина» (1996) [18] была опубликована В.С. Токаревой спустя почти двадцать лет после «Ехал грека» [17], но и в ней слышен авторский упрёк в адрес мужчины, не способного брать на себя заботы о близких, о доме, воспринимаемом им лишь как условие комфортного быта. Здесь «Лавина» как заглавие также играет одну из лидирующих ролей: в толковом словаре Ожегова можно найти следующую трактовку данного слова: «1. Массы снега, снежных глыб, низвергающихся с гор <...>. 2. перен. То, что движется стремительной массой» [5]. По мнению профессионалов, лавины не сходят без «предупреждения», а в большинстве случаев причиной низвержения лавины являются люди. Так и в данной повести главный герой Игорь Месяцев, музыкант, исполнитель мирового уровня, буквально «обрушился» лавиной несчастий на свою семью, а причина – безответственность, нежелание сопротивляться мимолётным «влечениям» и поглощённость своим талантом. Имя героя в «Лавине» (1996) также, как и в повести «Ехал грека...» [17], играет значительную роль. В.С. Токарева называет главу семьи Игорем, что «ранее заимствовано из скандинавского языка» [16, с. 118] и переводится как «охранять», «воинство». Так, видимо, писательница иронизирует над своим героем: Месяцев не смог сберечь свою семью, его роль в доме разрушительная. Причина разрушения – Люля – ветреная женщина, которая бросила своего мужа, потому что «надоело, и всё» [18, с. 69], и стремительно разбила брак едва знакомого, но успешного и многообещающего Месяцева. Важно отметить и фамилию героя – Месяцев: сам персонаж ассоциирует себя с Солнцем, ведь родные его – «маленькие планеты, вращались вокруг него, как вокруг Солнца. Брали свет и тепло» [Там же, с. 50]. Однако автору – виднее: он – месяц – видимая часть луны, которая поглощает свет, а не отдаёт его: Игорь Месяцев, занятый собой, только «забирает» тепло и заботу своей семьи, никого не «согревая», не замечая таланта своей жены – «отдавать себя» дому.

Как уже упоминалось, «Лавина» [18] написана в 1990-е годы – «перестроечный» период для нашей страны, когда сложности возникали во всех сферах жизни. Если в «застойное», бессобытийное время мужчине можно было простить его слабость, нерешительность (как Климову в повести В.С. Токаревой «Ехал грека» [17]), то Месяцев писательницей явно осуждается, ведь его эгоистичность оборачивается подлинной трагедией для близких. Безвременная гибель сына Месяцевых – расплата главы семьи за невнимание к дому, за то, что подросток при живом отце лишён положительного примера для подражания, растёт одиноким и предоставленным самому себе. Запоздалое понимание этого отцом не может оживить молодого человека, недаром именно к главе семьи обращены гневные слова убитой горем дочери Ани: «Мы – клан. Семейный клан. Птицы могут покрывать большие расстояния, только когда они в стае. И даже волки и львы выживают в стае. А ты нас разбил. Расколол» [18, с. 110]. Месяцев «расколол» и своё сердце, утратив вдохновенный исполнительский дар. Похоже, ему теперь

не под силу восхождение даже на гору Кикимору: «Дни набегали один на другой. Месяцев не замечал разницы между днем и ночью. Как за полярным кругом. Ему было все равно» [18, с. 113]. Таким образом, можно утверждать, что Виктории Токаревой удалось в «Лавине» точно передать атмосферу «разлома» «равнинной» жизни 1970-х годов, когда единственной опорой в жизни человека становятся не идеологические ориентиры, подверженные неожиданной корректировке, а дом и семейные ценности, устойчивые при любом режиме правления, при любом общественном устройстве. Писательница, выявляя «пути и средства нормализации культурноэкономической жизни всей страны в постсоветский период» [12, с. 196], утверждает, что семья – то, что придаёт человеку силы, движет им, помогает ему. Разрушив семью, человек и сам «раскалывается», перестаёт ощущать «вкус» жизни.

Литература

1. Бунин И.А. В Альпах. [Электронный ресурс]. URL: http://bunin.velchel.ru/index.php?cnt=23&story=ta_50 (дата обращения: 12.03.2022).
2. Есин Л.В. Литературоведение. Литературное произведение: основные понятия и термины. [Электронный ресурс]. URL: http://taviak.ru/distance/wp-content/uploads/2014/obshcheobrazovatelnye_distipliny/Literatura/Chernec.pdf (дата обращения: 10.10.2021).
3. История русской литературы XX – начала XXI века: учебник для вузов: в 3-х ч. с электронным приложением. Ч. 2: 1925–1990 годы / сост. и науч. ред. проф. В.И. Коровин. М.: ВЛАДОС, 2014.
4. Карпенко Ю.А. Имя собственное в художественной литературе // Филологические науки. 1986. № 4. С. 34–40.
5. Лавина // Ожегов С.И. Словарь русского языка. [Электронный ресурс]. URL: <https://gufo.me/dict/ozhegov/лавина> (дата обращения: 12.03.2022).
6. Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Современная русская литература: 1950–1990-е годы: в 2 т. Т. 2: 1968–1990. М.: Издат. центр «Академия», 2003.
7. Маканин В.С. Сюжет усреднения // На первом дыхании. Курган: Зауралье, 1998. С. 405–442.
8. Мальцев Ю.В. Иван Бунин. Франкфурт-на-Майне, М.: Посев, 1994.
9. Нефагина Г.Л. Русская проза конца XX века. М.: Флинта, 2003.
10. Николюкин А.Н. Литературная энциклопедия терминов и понятий. М.: НПК «Интелвек», 2001.
11. Никонов В.А. Словарь русских фамилий / сост. Е.Л. Крушельницкий. М.: Школа-Пресс, 1993.
12. Перевалова С.В. Проблема преемственности исторической памяти народа в повести Б.П. Екимова «Осень в Задонье» // Изв. Волгоград. гос. пед. ун-та. 2020. № 10(153). С. 187–196.
13. Пога Д.С. Повесть В. Токаревой «Мои враги»: смысл заглавия // Студен. электрон. журнал «СТРИЖ». 2016. № 4(08). С. 112–115. [Электронный ресурс]. URL: <http://strizh-vspu.ru/files/publics/1468320941.pdf> (дата обращения: 12.03.2022).
14. Пушкин А.С. Два чувства дивно близки нам... // Сочинения. Т. 3. Кн. 1. М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1948. С. 346.
15. Славникова О. Та, что пишет, или Таблетка от головы // Октябрь. 2000. № 3. С. 169–174.
16. Словарь русских личных имён. Около 2600 имён. М.: Сов. Энциклопедия, 1966.
17. Токарева В.С. Ехал грека // Летящие качели. М.: Азбука-Аттикус, 1978.
18. Токарева В.С. Лавина // Новый мир. 1995. № 10. С. 41–114.
19. Черняк М.А. Женский почерк в современной прозе. Современная русская литература. М.: Форум, 2010.
20. Ширококово (Гора Кикимора) // Краеведческий портал «Родная Вятка». [Электронный ресурс]. URL: <https://rodnauyatka.ru/places/90323> (дата обращения: 12.03.2022).

DARYA SVIRIDOVA

Volgograd State Socio-Pedagogical University

AUTHOR AND HERO IN THE STORIES OF V.S. TOKAREVA OF THE 1970–1990s

The article deals with the peculiarities of the interrelation of “author-hero” in the stories “Rode the Greek” and “Avalanche” by V.S. Tokareva, where the writer, mastering the male point of view, tries to reconstruct realistically in volume the atmosphere of the life of her contemporaries in the last third part of the past century.

Key words: author, character, female prose, headline of work, personality, character.